

Гуманитарная теория
происхождения
легитимации
упадка

ЭЛИТЫ

Сергей Дегтярев

Сергей Дегтярев

**Элиты. Гуманитарная
теория происхождения,
легитимации и упадка**

«Автор»

2026

Дегтярев С.

Элиты. Гуманитарная теория происхождения, легитимации и
упадка / С. Дегтярев — «Автор», 2026

Эта книга представляет собой результат применения гуманитарного метода к вопросу, который на протяжении столетий остаётся центральным для понимания человеческого общества. Почему власть всегда оказывается в руках немногих? Почему эти немногие с такой пугающей регулярностью превращаются в паразитов? И главное — можно ли разорвать этот порочный круг? Мы живём в эпоху, когда эти вопросы перестали быть теоретическими. Растущий разрыв между народом и элитой, паралич институтов, стратегическая слепота при очевидных внешних угрозах — всё это повседневная реальность. Это книга для тех, кто устал от лозунгов и готов мыслить. Для тех, кто чувствует, что привычные объяснения больше не работают, но не знает, чем их заменить. Для тех, кто хочет не просто возмущаться или надеяться, а понимать и действовать. Метод, изложенный здесь, не требует специального образования. Он требует только готовности думать самостоятельно и мужества признавать выводы, какими бы неудобными они ни оказались.

© Дегтярев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Кризис науки об элите и новый метод	5
Глава 1. Состояние исследований: от Макиавелли до Фурсова	5
1.1. Классические теории	5
Глава 2. Гуманитарная философия как инструмент познания	13
2.1. Аксиоматика	13
2.2. Предмет и метод гуманитарной философии	14
2.3. Гуманитарная схема: от потребности к культуре	15
2.4. Структура культурного упадка и его направление	16
Часть II. Генезис. Как рождается элита	18
Глава 3. Условия «безэлитного»	18
3.1. Исходное состояние	18
3.2. Возникновение ограничения	18
3.3. Цель существования элиты	19
Глава 4. Первая эпоха — Имянаречение	21
4.1. Самоназначение через дар	21
4.2. Четыре шага легитимации	22
4.3. Логический вывод и эмпирическая проверка	24
4.4. Институт Совета Имён	25
4.5. Живые реликты первой эпохи	26
4.6. Следы имянаречения в древнерусской истории	27
Часть III. Структура упадка. Анатомия предательства	28
Глава 5. Четыре монополии вместо четырёх легитимаций	28
5.1. Эскалация угрозы: народ вместо элиты	28
5.2. Фазы закабаления	28
5.3. Финал: элита слепнет к внешней угрозе	31
5.4. Упадок как структурное противоречие	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Дегтярев

Элиты. Гуманитарная теория происхождения, легитимации и упадка

Часть I. Кризис науки об элите и новый метод

Глава 1. Состояние исследований: от Макиавелли до Фурсова

1.1. Классические теории

1.1.1 Макиавелли и технология власти

Античная или средневековая политическая мысль, была нормативной. Она говорила о том, каким *должен быть* правитель, каким *должно быть* государство. Платон создавал проект идеального полиса, управляемого философами, чьё право на власть обосновывалось их знанием высшего блага. Аристотель классифицировал формы правления, оценивая их по критерию общего блага. Средневековые схоласты встраивали власть в иерархию божественного миропорядка. Во всех этих построениях элита — это те, кто имеет право править в силу своей добродетели, мудрости или божественного помазания. Легитимность первична, технология власти вторична и производна от неё.

Макиавелли взрывает эту традицию. В трактате «Государь» и в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» он отделяет технологию власти от её оправдания. Его интересует не то, почему человек *имеет право* править, а то, что он должен *делать*, чтобы власть удержать и приумножить. В центре его анализа — не добродетель правителя, а его эффективность. Макиавелли первым заявил, что успех государя зависит не от божественного провидения и не от моральных качеств, а от его способности трезво оценивать обстоятельства и действовать сообразно им. Он вводит ключевое для нашей теории понятие: реальность как противостояние *фортуны* (судьбы, случая, внешних обстоятельств) и *достоинству* (доблести, понимаемой не как моральное качество, а как способность к действию, воля, энергия, господство над обстоятельствами). Элита у Макиавелли — это те, кто обладает достоинством, кто способен переломить ход событий, кто может, подобно опытному корабельщику, провести государственный корабль сквозь бури фортуны.

Макиавелли гениально описал функцию, но не понял её происхождения. Он видел, что элита должна быть эффективной, но не задал вопрос *почему* группа людей берёт на себя эту функцию? Откуда берётся само разделение на тех, кто правит, и тех, кем правят? Он принимает это разделение как данность, как изначальный факт политической жизни. Для него существует масса («народ»), которая хочет, чтобы ею управляли и чтобы её не угнетали, и существует элита («знать», «гранды»), которая хочет властвовать и угнетать народ [1]. Это психологическая констатация, а не структурный анализ. Макиавелли не ставит вопроса о том, что, возможно, народ вовсе не «хочет», чтобы им управляли, а вынужден делегировать функцию защиты, чтобы выжить. Его «народ» — пассивный фон политической сцены, а не активный субъект договора.

Более того, Макиавелли, сам того не желая, зафиксировал начало того, что мы назовём фазой упадка. Его «Государь» — это руководство для новой элиты в эпоху кризиса старых

форм легитимации. Флоренция эпохи Возрождения, раздираемая борьбой кланов Медичи, Пацци, Строцци, утратившая республиканские добродетели, — это классический пример упадка, когда право уже не работает, а новая легитимация ещё не найдена. Макиавелли предлагает не восстановление договора, а чистую технологию власти, фактически — манипуляцию. Его знаменитый совет государю быть подобным льву и лисе, уметь при необходимости не сдерживать слово [2], есть не что иное, как утверждение права элиты на обман народа.

Следующий шаг в развитии макиавеллистской традиции сделал Габриэль Тард, а затем его идеи были развиты в трудах Гюстава Лебона и Габриэля де Тарда, заложивших основы психологии масс. Если Макиавелли концентрировался на личности правителя, то Лебон и Тард перенесли фокус на объект управления — толпу. Они утверждали, что масса иррациональна, подвержена эмоциональному заражению и нуждается в вожде. Элита в их концепции — это те, кто владеет технологией внушения, кто способен, подобно гипнотизёру, вести за собой массы, апеллируя не к разуму, а к чувствам и воображению [3]. Это был важный этап в развитии представлений об элите как о манипуляторе, но, как и в случае с Макиавелли, здесь полностью игнорируется генезис. Почему масса стала толпой? Не потому ли, что элита перестала выполнять свою функцию, превратив народ в дезориентированную, атомизированную массу, утратившую связь с реальностью и ищущую хоть какого-то вождя? Психология масс фиксирует патологию, но принимает её за норму.

Таким образом, макиавеллистская традиция, при всём её историческом значении, заводит исследование элит в тупик. Она сводит вопрос «кто такая элита?» к вопросу «как заставить толпу подчиняться?». Это технология власти, лишённая понимания её цели и происхождения. Это описание упадка, принятое за универсальную истину. Наша задача — выйти из этого тупика, построив теорию, которая объяснит не только технологию, но и генезис, легитимацию и неизбежный упадок любой элиты, внеся, наконец, в этот вопрос строгость гуманитарной науки, а не политической риторики.

1.1.2. Теория циркуляции элит: Вильфредо Парето

Следующий шаг в построении науки об элите сделал итальянский социолог и экономист Вильфредо Парето. Если Макиавелли создал технологию власти для государя-одиночки, а психологи масс описали механизмы управления толпой, то Парето предпринял первую серьёзную попытку создать именно *теорию* — системное, очищенное от моральных оценок знание об элите как о постоянно действующем элементе общества.

Центральным для Парето является понятие «правлящей элиты» как совокупности людей, достигших наивысших показателей в своей сфере деятельности. Он предлагает почти инженерный подход: представьте, что каждому человеку можно присвоить индекс способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзамене. Самые способные в своей области — будь то политика, военное дело, коммерция или даже шахматная игра — и составляют элиту. Это определение кажется объективным и даже естественнонаучным, свободным от классового или морального подхода. Элита — это просто «лучшие».

Однако это лишь видимость объективности. Парето сразу же сталкивается с противоречием, которое он сам и описал, но не смог объяснить до конца. Элита неоднородна и не вечна. Она состоит из двух психологических типов, которые Парето называет «львами» и «лисами» [4], напрямую заимствуя метафору у Макиавелли. «Львы» — это элита силы, веры и консерватизма. Они способны на решительные действия, но негибки, склонны к застою и, в конце концов, теряют способность адаптироваться к переменам. «Лисы» — это элита хитрости, интриги и инноваций. Они гибки, изобретательны, но не обладают волей к прямому действию и зачастую настолько погружены в комбинации, что забывают о реальной цели управления.

Главный вклад Парето — это его знаменитая теория «циркуляции элит». Он утверждает, что история — это не прогресс, не классовая борьба, а «кладбище аристократий» [4]. Любая элита неизбежно вырождается. Она утрачивает энергию, волю к власти и те качества, которые

привели её наверх. Одновременно с этим в низах общества, в «не-элите», постоянно вызревают новые «львы» и «лисы» — люди, обладающие большими способностями и волей. Здоровая циркуляция заключается в том, что элита открыта для лучших из низов. Как только она замыкается, как только циркуляция прекращается, начинается упадок. Энергия, не находящая легального выхода, накапливается в низах, и в итоге это приводит либо к насильственной революции, либо к завоеванию извне.

Эта теория — огромный шаг вперёд. Она объясняет не статичную картину, а динамику. Однако и здесь мы находим коренной недостаток, который не позволяет назвать построения Парето полной и законченной теорией. Он утверждает, что элита вырождается, потому что теряет «остатки». Но *почему* она их теряет? Это у него аксиома, констатация наблюдаемого факта, а не выведенная закономерность. Далее, Парето говорит, что циркуляция останавливается из-за закрытия элиты. Это верно, но это — описание упадка, а не его причина. И, наконец, главное: Парето не видит в этой циркуляции никакого смысла, кроме вечного «колеса». Это циклический пессимизм. Он не может объяснить, почему каждая новая элита, приходящая на смену старой, не просто лучше или хуже, а часто строит общество на *принципиально иных* основаниях. Откуда берутся эти новые основания?

Таким образом, Парето дал нам язык для описания круговорота, но не дал ключа к пониманию механизма. Он описал болезнь и её симптомы, но не её этиологию и не возможное исцеление. Его теория — это анатомический атлас упадка, но не физиология общественного здоровья.

1.1.3. Правящий класс и политическая формула: Гаэтано Моска

Параллельно с Парето итальянский юрист и социолог Гаэтано Моска разрабатывал свою теорию, изложенную в труде «Правящий класс» [5]. Его подход отличается от паретианского большим вниманием к организационным и историческим аспектам власти.

Исходный тезис Моски категоричен: во всяком обществе, от самого примитивного до высокоразвитого, всегда сосуществуют два класса — правящий и управляемый. Первый, всегда малочисленный, монополизирует власть и извлекает из неё выгоды. Второй, многочисленный, подчиняется и материально обеспечивает первый. Эта констатация, по Моске, является не временной аномалией, а неумолимым социальным законом, делающим иллюзорными любые проекты «народовластия» или «отмирания государства».

Ключевой вопрос, который ставит Моска: почему организованное меньшинство способно властвовать над неорганизованным большинством? Его ответ заключается в самом понятии организации. Правящий класс обладает внутренней сплочённостью, дисциплиной и способностью к координированному действию, в то время как управляемая масса по своей природе аморфна, разрозненна и не способна к самостоятельному политическому действию без руководства [5].

Однако одной лишь организованной силы недостаточно для долговременного господства. Власть, основанная исключительно на грубом насилии, неустойчива. Поэтому Моска вводит ключевое понятие «политической формулы». Это система верований, идей и мифов, которая объясняет и оправдывает власть правящего класса в глазах управляемых. Политическая формула отвечает на фундаментальный вопрос: «почему именно эти люди имеют право нами управлять?». Содержание формулы может быть любым — от божественного помазания до «воли народа» — но её функция неизменна: легитимировать власть меньшинства. При этом Моска подчёркивает, что политическая формула не является просто циничным обманом. Чтобы быть эффективной, она должна резонировать с глубинными представлениями и верованиями управляемого большинства [5].

Здесь Моска подходит к важнейшему аспекту легитимации, но останавливается. Он видит в политической формуле инструмент господства, а не выражение двусторонних обязательств. Для него народ — это пассивный объект, которому предъявляют обоснование власти,

а не активная сторона, которая это обоснование требует и оценивает. Смена политических формул, по Моске, есть смена идеологических декораций, замена одного оправдания другим, без глубинной связи с изменением структуры общественного договора.

Другим важным аспектом теории Моски является принцип «циркуляции» внутри правящего класса. Он утверждает, что стабильность общества зависит от способности элиты оставаться открытой. Правящий класс должен постоянно обновляться, вбирая в себя наиболее способных и волевых выходцев из низов. Как только этот процесс прекращается, как только правящий класс замыкается в наследственную касту, он начинает деградировать. В нём нарастает то, что Моска называет «мягкостью», — утрата воли, энергии и качеств, которые когда-то привели его к власти [5]. Это описание верно фиксирует фазу упадка элиты, но Моска, как и Парето, не даёт ответа на вопрос о причинах этого замыкания и «смягчения». Для него это либо психологическая склонность, либо историческая случайность. Фундаментальный механизм, закономерно ведущий элиту к деградации, остаётся за пределами его анализа.

1.4. Железный закон олигархии: Роберт Михельс

Немецкий социолог Роберт Михельс, ученик Макса Вебера, довёл макиавеллистскую традицию до её логического и самого пессимистичного завершения. Если Макиавелли, Парето и Моска анализировали существующие элиты, то Михельс задался вопросом, который ставит под сомнение саму возможность демократии как таковой. Объектом его исследования стали не традиционные монархии или аристократии, а, казалось бы, самые демократические организации его времени — массовые социалистические партии Европы, в особенности немецкая социал-демократия, в которой он сам состоял.

Результат этого исследования, изложенный в его главной работе «Социология политических партий в условиях современной демократии» (в английском переводе — «Политические партии»), оказался обескураживающим. Михельс сформулировал то, что он назвал «железным законом олигархии» [6].

Суть этого закона проста и на первый взгляд парадоксальна: любая организация, даже самая демократическая по своим целям и уставу, с течением времени неизбежно порождает внутри себя олигархию. Лидеры, изначально являвшиеся лишь «слугами» масс, постепенно отрываются от них, превращаясь в замкнутую, привилегированную и несменяемую касту профессиональных функционеров. Демократия, по Михельсу, сталкивается с неразрешимой дилеммой: она не может существовать без организации, но организация же её и убивает, неизбежно порождая олигархию [6].

Михельс подробно разбирает причины этого процесса, которые, по его мнению, носят как технический, так и психологический характер. Во-первых, это техническая невозможность прямого самоуправления больших масс. Миллионы людей не могут ежедневно и компетентно решать сложные вопросы управления. Это требует специальных знаний, навыков и времени. Масса вынуждена делегировать власть специалистам-руководителям. Во-вторых, срабатывает психология самих вождей. Получив доступ к власти и привилегиям, они начинают смотреть на мир иначе. Власть меняет их самосознание, они начинают считать себя незаменимыми, а свою должность — своей собственностью. У них формируются специфические интересы, отличные от интересов масс, которые их избрали. Они стремятся к стабильности своего положения, к примирению с существующим порядком вещей, даже если их риторика остаётся революционной. В-третьих, меняется психология самих масс. Они испытывают потребность в вождях, чувство благодарности к ним и, в конечном счёте, впадают в состояние политической апатии, позволяя лидерам править бесконтрольно.

Вывод Михельса безжалостен: демократия как власть народа — это трагическая иллюзия, исторически недостижимый идеал. Общество обречено на вечное господство сменяющих друг друга олигархических групп. Михельс, таким образом, завершает классический этап элитологии глубочайшим пессимизмом, оставляя науку перед глухой стеной «железного закона».

Однако, несмотря на всю силу и убедительность его аргументации, «железный закон» Михельса фиксирует лишь одну, частную и, по сути, патологическую форму развития организаций. Михельс, как и его предшественники, не проводит различия между ситуативным состоянием элиты и ее сущностью. Для него всякая элита есть олигархия. Он не видит, что специализация управления может иметь и иные, неолигархические причины. Патологией является не сам факт существования руководителей, а их последующий отрыв от управляемых. Но почему происходит этот отрыв? Михельс объясняет его психологией, технической необходимостью и организационной рутинной, не задаваясь вопросом о более фундаментальных, структурных предпосылках, которые могли бы сделать этот отрыв не случайным, а закономерным.

Таким образом, классическая теория элит в лице её главных представителей — Макиавелли, Парето, Моски и Михельса — проделала огромный путь. Она отделила изучение власти от моральной философии, вскрыла перманентный характер элитарного господства, описала механизмы циркуляции, политические формулы и организационные основы власти. Она зафиксировала неизбежность вырождения элит. Но она так и не смогла вырваться из круга описательной констатации и пессимизма. Причина этого — в отсутствии единого методологического фундамента, который позволил бы не просто описывать симптомы упадка, а вскрыть его генезис.

1.1.5. Советская и постсоветская школа: От критики буржуазии к растерянности

Изучение элит в советской научной традиции развивалось по совершенно иной траектории, нежели на Западе, и эта траектория была predetermined идеологическим фундаментом. Парадокс заключается в том, что марксизм, будучи сам по себе грандиозной теорией классового господства, сделал невозможным создание полноценной теории элит в собственном смысле слова.

Исходная позиция советского обществоведения была жестко задана классиками. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» сформулировали стержневой постулат: история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов [7]. В этой парадигме правящая группа — это не «элита», а «господствующий класс», чья власть основана на собственности на средства производства. Политическая власть, государство, по ленинскому определению, есть не что иное, как «машина для подавления одного класса другим» [8]. Само понятие «элита» рассматривалось как буржуазная, апологетическая выдумка, призванная замаскировать сущность классового господства, представить эксплуататоров как «лучших людей», наделенных особыми талантами, а не просто владельцев капитала.

Из этого следовал принципиальный вывод: после социалистической революции, с уничтожением частной собственности и эксплуататорских классов, исчезает и сама почва для существования какой-либо элиты. В бесклассовом обществе власть принадлежит всем трудящимся. Следовательно, изучать «элиты» в советском обществе было не только идеологически вредно, но и теоретически бессмысленно — её не должно было существовать. Это привело к тому, что в СССР на протяжении десятилетий наука об элитах как самостоятельная дисциплина просто отсутствовала. Вся проблематика, связанная с правящими группами, была вытеснена в область «критики буржуазных теорий» [9]. Советские ученые, такие как Г.К. Ашин, Ф.М. Бурлацкий и другие, посвящали свои работы тщательному и квалифицированному разбору концепций Парето, Моски, Михельса, но их целью была исключительно критика и разоблачение классовой сущности этих теорий, а не развитие собственного позитивного знания.

Трещина в этой монолитной конструкции возникла тогда, когда советское общество столкнулось с реальностью, противоречащей догме. Стало очевидно, что и в СССР существует явная и устойчивая социальная группа, обладающая непропорционально большим объемом власти, привилегий и престижа. Поскольку использовать «буржуазный» термин «элита» было нельзя, на помощь пришла эзопова терминология. В оборот были введены такие понятия,

как «номенклатура» и «бюрократия». Номенклатура — это не просто чиновничество, а перечень ключевых должностей, назначение на которые требовало утверждения партийными органами. Это был институциональный, а не классовый или функциональный взгляд на правящую группу. Понятие «бюрократия» позволяло критиковать недостатки управления, отрыв аппарата от масс, но делать это в рамках ленинской критики «бюрократических извращений», не ставя под вопрос саму природу советской власти [10]. Исследования номенклатуры, проводившиеся, например, М.С. Восленским или А.Г. Авторхановым (за рубежом), носили скорее описательный и разоблачительный характер, фиксируя механизмы власти и привилегий, но не создавая общей теории.

Подлинный кризис и одновременно расцвет элитологии на постсоветском пространстве наступили после 1991 года. Крах СССР и идеологическая растерянность привели к тому, что марксистская ортодоксия была отброшена, а западные теории элит, наоборот, стали активно осваиваться. Однако это освоение пошло по двум основным направлениям, каждое из которых имеет свои ограничения.

Первое направление можно назвать эмпирическим или социологическим. Начались масштабные исследования российской элиты: её состава, каналов рекрутирования, внутренней структуры, взаимоотношений с бизнесом и властью. Ключевой темой стал вопрос о том, является ли постсоветская элита продолжением старой номенклатуры или же возник новый правящий класс. Работы О.В. Крыштановской, посвященные трансформации номенклатуры в олигархию, стали классикой этого направления [11]. Эти исследования дали богатейший фактологический материал, но они, как правило, ограничивались описанием «кто есть кто» и «как устроено», не претендуя на создание общей теории генезиса и упадка элит.

Второе направление — публицистическое и политологическое — пошло по пути прямого заимствования и актуализации классических теорий. Российские политологи и публицисты заговорили о «циркуляции элит» по Парето, о «железном законе олигархии» Михельса, о «политическом классе» Моски. Эти концепции используются как готовые объяснительные модели для анализа текущей ситуации: сращивания власти и собственности, коррупции, авторитарных тенденций. Однако такое применение, как правило, фрагментарно и инструментально. Оно не создает новой теории, а лишь подгоняет российскую реальность под западные лекала вековой давности.

Таким образом, и советский, и постсоветский периоды демонстрируют общую неспособность создать целостную, самостоятельную теорию элит. Советский марксизм, с его догматическим отрицанием элиты, лишил себя объекта исследования и вынужден был прибегать к суррогатам вроде критики «номенклатуры». Постсоветская наука, освободившись от идеологии, либо ушла в эмпиризм, оставив теоретический фундамент без внимания, либо вернулась к классическим западным теориям, но уже как к набору готовых клише, не пытаясь переосмыслить их или создать на их основе нечто новое. В обоих случаях мы сталкиваемся с отсутствием единого методологического фундамента, который позволил бы не просто описывать, а объяснять и предсказывать поведение элит. Именно этот фундамент и предлагает заложить настоящая работа.

1.6. Современный взгляд: А. Фурсов, В. Крылов и теория кланов

Завершая обзор состояния исследований, мы обращаемся к работам, которые стоят особняком и в наибольшей степени приблизились к созданию целостной картины функционирования современных элит, хотя и не завершили этот путь. Речь идёт о трудах историка и обществоведа Андрея Ильича Фурсова и его коллег, в частности, Владимира Крылова.

Сила их подхода, в отличие от чисто социологических или публицистических работ, заключается в попытке соединить макроисторический анализ с детальным знанием конкретных механизмов власти. Если классики (Парето, Моска) говорили об элите вообще, а совет-

ские и постсоветские исследователи метались между догмой и эмпирикой, то Фурсов и Крылов вводят в анализ принципиально новые единицы.

Центральным для их анализа является понятие клана или элитной группировки как основного действующего лица истории, особенно в периоды кризисов и смут. Это не класс в марксистском смысле, не «правлящий класс» Моски и не «элита» Парето как совокупность лучших. Клан — это замкнутая, неформальная сеть, спаянная не просто общими экономическими или политическими интересами, а отношениями личной лояльности, родства, свойства, общего происхождения или многолетнего соучастия в ключевых событиях. По сути, Фурсов описывает ту реальность, когда формальные структуры (парламенты, министерства, партии) превращаются в ширму, а реальная власть вершится в закрытых клубных пространствах клановых договорённостей [12].

Из этого анализа клановой структуры вытекает и другое ключевое понятие — компрадорство. Фурсов и Крылов детально, на огромном историческом материале, показывают, как в условиях глобализации значительная часть национальных элит утрачивает связь со своим обществом и превращается в агентов внешних, наднациональных центров силы. Компрадорская элита — это элита, которая экономически, политически и ментально обслуживает не свою страну и народ, а чужие интересы, вывозя капиталы, ресурсы и человеческий потенциал в обмен на личные гарантии безопасности и привилегий. Это не просто «предательство» в моральном смысле, а системное перерождение функции элиты. [13].

Наконец, важнейшим вкладом этого направления является анализ наднациональных структур и «мировой игры». Фурсов и его коллеги убедительно доказывают, что национальные элиты, особенно компрадорские, не являются самостоятельными игроками. Они встроены в сложную глобальную иерархию, на вершине которой находятся закрытые наднациональные сетевые структуры — клубы, комиссии, фонды, — координирующие глобальные процессы. Эта оптика позволяет увидеть за локальными политическими кризисами и сменами правительств единую логику борьбы за контроль над мировыми ресурсами.

Однако, при всём богатстве и убедительности фактуры, работы Фурсова, Крылова и их последователей сталкиваются с той же фундаментальной проблемой, что и у их предшественников. Их исследования — это блестящая, глубокая, но всё же описательная аналитика. Они дают нам подробнейшую картографию современной элиты, но не общую теорию. Они констатируют, что элита выродилась в кланы, стала компрадорской и встроена в наднациональные сети. Но они не дают строгого, методологически обоснованного ответа на вопрос почему это происходит с любой элитой? Почему коллегиальные институты неизбежно деградируют в клановые? Почему элита становится компрадорской? Является ли это результатом конкретного исторического заговора или же проявлением универсального закона?

Их работы лишены единого методологического фундамента, который позволил бы перейти от констатации «так есть» к доказательству «так не может не быть».

1.7. Постановка проблемы

Проведённый обзор, от Макиавелли до Фурсова, позволяет сделать принципиальный вывод. Изучение элит, несмотря на более чем пятисотлетнюю историю, так и не превратилось в строгую науку. Мы находимся в ситуации, которую можно назвать «картографией без физики». Мы имеем тысячи точных и детальных карт (исторических, социологических, политологических), на которых подробно описаны ландшафты власти, маршруты циркуляции, очертания кланов, но у нас нет знания фундаментальных законов, которые порождают эти ландшафты и управляют их изменениями.

Все рассмотренные подходы, при всей их ценности, остаются в рамках описательной политологии или исторической социологии. Они отвечают на вопросы «что?» и «как?», но бессильны перед вопросом «почему?».

Почему элита, как убедительно показал Парето, с фатальной неизбежностью вырождается, превращая историю в «кладбище аристократий»? Является ли это психологической склонностью, как полагал он сам, или проявлением более глубокого закона?

Почему «политическая формула», которую Моска считал инструментом господства, в одних случаях работает и обеспечивает стабильность, а в других — рассыпается в прах, обнажая голое насилие?

Почему организации, как доказал Михельс, с неумолимостью «железного закона» порождают олигархию, и можно ли помыслить иной тип организации, где этот закон не действует или действует иначе?

Почему правящий класс, который в советском марксизме был жестко привязан к собственности на средства производства, возник и в обществе, где эта собственность была формально уничтожена, породив феномен «номенклатуры»?

И наконец, почему современные элиты, как показывает Фурсов, повсеместно перерождаются в замкнутые кланы и компрадорские группы, утрачивая всякую связь с национальными интересами? Является ли это заговором конкретных лиц или закономерным финалом определённого процесса?

Ни одна из существующих теорий не даёт на эти вопросы однозначного и методологически строгого ответа. Они фиксируют симптомы, но не могут указать на общую, порождающую их причину. Они описывают «болезнь» (упадок элиты), но не знают её этиологии. Следовательно, они не могут предложить и никакого научно обоснованного прогноза, кроме общего пессимистического вывода о вечности «круговорота элит».

Задача настоящей работы — преодолеть этот барьер. Нам необходимо совершить переход от описательной политологии к тому, что можно назвать строгой гуманитарной наукой. Для этого требуется не просто новая концепция, а новый метод.

Такой метод должен:

Выявить фундаментальную, первичную причину возникновения элиты как особой социальной функции, а не просто констатировать её существование как данность.

Строго определить критерии легитимации элиты, отделив здоровое состояние общественного договора от патологии господства.

Из этого определения вывести структурный закон неизбежности упадка, который объяснял бы, почему и как элита утрачивает свою функцию, вне зависимости от исторической эпохи, типа общества или личных качеств её представителей.

Обладать предсказательной силой, позволяя не только объяснять прошлое, но и прогнозировать кризисы и переходы к новым формам легитимации.

Именно такой метод и предлагает гуманитарная философия, которая будет изложена в следующей главе. Она станет тем самым недостающим фундаментом, который позволит переосмыслить весь накопленный наукой фактический материал в единую, строгую и доказательную теорию.

Глава 2. Гуманитарная философия как инструмент познания

2.1. Аксиоматика

Любая строгая теория начинается с аксиом — исходных положений, которые принимаются за истину без доказательств и служат фундаментом для всех последующих логических построений. Геометрия Евклида начинается с аксиомы о параллельных прямых, физика Ньютона — с законов движения. Гуманитарная теория элит также должна иметь свой незыблемый фундамент, иначе она рискует остаться набором остроумных, но бездоказательных наблюдений.

Первая и главная аксиома нашей теории радикально расходится с интуитивным представлением, укоренённым в новоевропейской культуре. Нам кажется самоочевидным, что сознание — это атрибут индивидуального «Я». Что каждый человек — это отдельная, автономная мыслящая вселенная. Что общество и культура — это производные от взаимодействия этих индивидуальных сознаний. Мы принимаем эту установку за аксиому, но наша теория постулирует обратное.

Сознание первично не индивидуально. Индивидуальное «Я» есть производная, вторичная форма.

Это не метафора и не философская спекуляция. Это функциональная аксиома, которая задаёт всю оптику нашего исследования. Она означает, что та реальность, которую мы называем «обществом», «народом», «культурой», не является суммой отдельных умов, а представляет собой особый тип бытия — бытие коллективного субъекта. Этот субъект обладает собственным сознанием, которое не сводится к сознанию отдельных индивидов, а, напротив, формирует их. Ребёнок, родившийся среди волков, не станет человеком, потому что его индивидуальный мозг никогда не будет «включён» в поле коллективного сознания, которое только и делает возможным человеческое мышление, речь и самосознание [14].

Из этой аксиомы прямо следует второе ключевое понятие.

Субъект — это носитель сознания, познания и деятельности.

Если сознание может быть коллективным, то и субъект — тот, кто сознаёт и действует — может быть не только отдельным человеком. Субъектом может выступать и индивид, и группа, и общество в целом. Критерием субъектности является не физическая обособленность тела, а способность быть источником целенаправленной деятельности и обладать собственным, уникальным «взглядом» на мир. Семья, община, класс, нация, цивилизация — всё это потенциальные коллективные субъекты, обладающие своим самосознанием, исторической памятью и волей к действию.

Этот подход позволяет нам с самого начала избежать ловушки, в которую попадала вся предшествующая элитология. Макиавелли, Парето, Моска и Михельс рассматривали общество как массу индивидов, из которой выделяются «лучшие» или «организованные». Но если сознание первично коллективно, то сама проблема «элиты» встаёт совершенно иначе. Речь идёт не о том, как одиночки захватывают власть над толпой. Речь идёт о том, как внутри единого коллективного субъекта (народа) возникает функциональное разделение, порождающее особый орган, специализирующийся на решении определённых задач. Элита и народ в этой аксиоматике — не два враждующих атомарных множества, а части одного целого, находящиеся в сложных, исторически меняющихся отношениях.

Таким образом, аксиома о первичности неиндивидуального сознания и определение субъекта как носителя сознания и деятельности закладывают основу для построения строгой

гуманитарной науки. Они позволяют перейти от описательной политологии к анализу глубинных структур, определяющих жизнь и смерть человеческих обществ.

2.2. Предмет и метод гуманитарной философии

Приняв аксиому о первичности неиндивидуального сознания и определив субъекта как носителя сознания и деятельности, мы сталкиваемся с методологической проблемой. Как изучать сознание субъекта, особенно если этот субъект — не отдельный человек, а группа? Мы не можем «залезть в голову» к народу или элите. Нам нужен строгий критерий, который позволит отделить проявления сознания от простого поведения, а также определить, имеем ли мы дело с одним коллективным субъектом или с разрозненной массой индивидов.

Для этого мы вводим фундаментальное понятие субъективного явления.

Субъективным называется явление, наблюдаемое одним и только одним субъектом.

Это определение является ключевым для всего нашего метода. Оно не просто констатирует «приватность» чувственного опыта (то, что мою зубную боль не чувствует никто другой), но даёт строгий критерий идентификации субъекта как такового. Если некое «нечто» наблюдается группой людей, и принципиально не может наблюдаться никем за её пределами, мы имеем дело не с суммой индивидуальных наблюдателей, а с единым коллективным субъектом. Наблюдаемое им «нечто» и есть его субъективное явление.

Что же значит «наблюдать»? Мы определяем сознание как состояние, в котором субъект наблюдает своё субъективное явление. Пока я нахожусь в этом состоянии, я — действующий субъект, «Я». Как только наблюдение прекращается (в глубоком сне, обмороке), моё «Я» как субъекта исчезает, хотя физическое тело продолжает существовать. Таким образом, сознание — это не статичное свойство, а динамическое состояние наблюдения субъективного явления. Коллективный субъект, следовательно, находится в сознании тогда, когда его члены, как единое целое, наблюдают общее для них субъективное явление. Они входят в одно состояние сознания, и эта картина мира выглядит для них одинаково.

Здесь мы подходим к самому важному методологическому шагу. Если субъект наблюдает своё субъективное явление, то какова цель этого наблюдения? Ответ на этот вопрос не может быть дан простой констатацией. Он должен быть доказан.

Теорема о цели наблюдения: *Цель наблюдения субъективного явления — осознать, «что я сделал», что привело к его возникновению.*

Докажем это методом от противного, рассмотрев все возможные альтернативы. Предположим, что целью наблюдения субъективного явления является осознание действий других субъектов. Однако, по определению, другие субъекты в принципе не могут наблюдать моё субъективное явление. Следовательно, они не могут ни целенаправленно его вызывать, ни даже знать о его существовании, чтобы действовать с его учётом. Их действия могут лишь создавать внешние, объективные условия, которые, преломляясь через мою деятельность, вызывают субъективный эффект. Но тогда вопрос «что сделали другие?» является лишь промежуточным и теоретическим, он не ведёт к осознанию прямой причины наблюдаемого явления. Прямая причина всегда лежит в моей собственной деятельности, в том, что сделал я сам.

Следовательно, единственной практической и осмысленной целью наблюдения субъективного явления является осознание того, «что я сделал». Достижение этой цели даёт субъекту практическую власть над явлением.

Если субъект (будь то индивид или народ) осознал, какое именно его действие вызвало наблюдаемый эффект, он получает способность произвольно воспроизводить это действие для получения нужного результата или, наоборот, избегать его, чтобы результат не наступал. Осознание генезиса явления — это обретение способности. В этом заключается глубокая связь

философии с практикой, выраженная в формуле: «осознать, что я сделал» — значит получить возможность делать это по своей воле.

Этот метод, основанный на анализе субъективных явлений и поиске их генезиса в деятельности самого субъекта, мы и называем **гуманитарным методом**. Он позволяет перейти от внешнего, «объектного» описания общества к строгому анализу его внутренней, «субъектной» жизни, то есть к тому, что мы называем гуманитарной философией. Именно этот метод мы применим для решения проблемы генезиса, легитимации и упадка элит.

2.3. Гуманитарная схема: от потребности к культуре

Вооружённые методом, мы можем теперь обратиться к главному предмету нашего исследования — человеку и обществу. Мы установили, что целью наблюдения субъективного явления является осознание того, «что я сделал». Но что именно является субъективным явлением для человека? Что он наблюдает в себе с этой целью?

Перебирая различные психические феномены — фантазии, эмоции, чувства — мы видим, что они либо не имеют цели осознания своего генезиса, либо беспредметны, либо не предполагают метода своего осуществления. Единственным феноменом, который полностью соответствует нашему строгому определению, является *желание*, а точнее, его особая форма.

Субъективное явление есть удовлетворимое, но не удовлетворённое желание, предмет или способ удовлетворения которого ещё не осознан.

Поясним это определение. Когда человек чего-то хочет, но не знает, чего именно, или не знает, как этого достичь, он находится в состоянии неудовлетворённого желания. Это желание — его и только его субъективное явление. Он наблюдает его в своём сознании. И единственная практическая цель этого наблюдения — осознать, «что я сделал» в прошлом и «что мне нужно сделать» сейчас, чтобы желание, наконец, удовлетворилось. Момент осознания — это момент, когда желание из смутного хотения превращается в конкретную потребность. Потребность — это желание, предмет и метод удовлетворения которого стали известны.

Этот переход от желания к потребности не является чисто индивидуальным актом. Человек — существо коллективное, и его желания, как и способы их удовлетворения, формируются в обществе. Здесь и начинается работать наша *гуманитарная схема*, описывающая происхождение культуры.

Рассмотрим это на простейшем примере. У человека есть *естественная потребность* в отдыхе, в частности, в том, чтобы дать отдых ногам. Это потребность его организма, необходимая для продолжения бытия. Однако её удовлетворение может сталкиваться с препятствиями, которые не имеют отношения к самой потребности. Человек находится в публичном месте, где, в силу сложившихся обычаев, нельзя лечь или сесть прямо на пол, чтобы не испачкать одежду и не нарушить приличия. Это — *культурное ограничение*. Оно не отменяет естественную потребность, но блокирует прямой, «естественный» способ её удовлетворения.

Для того чтобы преодолеть это ограничение и всё же удовлетворить потребность, изобретается *культурное условие* — например, стул. Стул — это искусственный, созданный человеком предмет, позволяющий дать отдых ногам, не нарушая запрета. Теперь, когда и предмет (стул), и метод (сесть на него) известны, у человека формируется новая, *культурная потребность*. Он уже не просто хочет отдохнуть, он хочет *сесть на стул*. Человек, который для отдыха ног ищет стул, является *культурным человеком*. Тот, кто, игнорируя ограничение, ложится на пол — дикарь.

Эта цепочка: Естественная потребность → Культурное ограничение → Культурное условие → Культурная потребность, — и есть универсальный механизм возникновения культуры. Культура, в этом понимании, не есть совокупность артефактов или идей, а есть система опосредованного, искусственного удовлетворения естественных потребностей через преодоление

исторически сложившихся ограничений. Культура — это то, что превращает желание выжить в желание жить по-человечески.

Строгое и развёрнутое изложение гуманитарной философии со всеми доказательствами, выводами и анализом следствий содержится в книге автора «Гуманитарный метод» [15]. Здесь же мы ограничились лишь тем минимумом, который непосредственно необходим для решения нашей главной задачи — построения теории элит. Имея в руках этот фундаментальный инструмент, мы можем перейти к центральной проблеме нашего исследования: как, из какой потребности, через какое ограничение и условие рождается самая загадочная и драматичная культурная потребность человечества — потребность в элите.

Теперь, имея в руках эту фундаментальную гуманитарную схему, мы можем перейти, наконец, к главной проблеме нашего исследования. Мы применим этот метод, чтобы выяснить, как, из какой потребности, через какое ограничение и условие рождается самая загадочная и драматичная культурная потребность человечества — потребность в элите.

2.4. Структура культурного упадка и его направление

Гуманитарная схема описывает здоровое состояние культуры: естественная потребность осознаётся, на её удовлетворение накладывается культурное ограничение, изобретается культурное условие, формируется культурная потребность. Это движение вперёд, к усложнению и процветанию.

Но культура не всегда находится в здоровом состоянии. Отклонение от культурного условия порождает то, что мы называем *культурным упадком*. Гуманитарная философия различает четыре вида отклонений, различающихся по своему отношению к культурному ограничению и культурному условию.

Первый вид — *случайное отклонение*. Культурное условие не выполняется в силу обстоятельств, но культурное ограничение остаётся в силе. Тот, кто не выполнил условие, признаёт нарушение и исправляет его. Это самая лёгкая форма упадка, которая ещё не угрожает культуре как таковой.

Второй вид — *привычное отклонение*. Невыполнение культурного условия становится привычным. Культурное ограничение формально ещё признаётся, но реально уже не действует. Культурная потребность угасает, но сохраняется демонстрационная культурность: ритуалы, слова, формы соблюдаются, хотя содержание исчезло.

Третий вид — *преднамеренное отклонение*. Происходит сознательный отказ от культурности. Культурное ограничение перетолковывается: оно объявляется не «нельзя», а «можно, но не для всех» или «можно, но иначе». Отказ от культурности становится намеренным актом, а не результатом слабости или привычки.

Четвёртый вид — *вырождение*. Это отказ от самого культурного ограничения. Утверждается, что никакого «нельзя» больше не существует. Ограничение, которое когда-то создало данную культуру, отменяется. Реальность, в которой это ограничение действовало, переписывается или отрицается.

Направление упадка парадоксально. Упадок движется назад, против хода культурного развития. Он стремится не к созданию нового, а к отмене уже установленного. Его цель — не предложить иное культурное условие, а вернуться к моменту, предшествовавшему установлению культурного ограничения, и отменить само это ограничение.

Вспомним гуманитарную схему в её исходном виде: естественная потребность → культурное ограничение → культурное условие → культурная потребность. Упадок движется в обратном направлении. Сначала угасает культурная потребность — субъект больше не хочет выполнять культурное условие. Затем перестаёт выполняться само культурное условие. Затем

предпринимается попытка отменить культурное ограничение — провозгласить, что «нельзя» больше не существует. И когда это удаётся, наступает вырождение.

Вырождение есть финальная точка упадка — отмена культурного ограничения. В этот момент культура как таковая прекращает своё существование в данной сфере. То, что было создано как ответ на внешний эксцесс, исчезает. Происходит возврат к до-культурному состоянию, но в извращённой форме: внешнее препятствие никуда не исчезло, а механизм его преодоления разрушен.

Этот обратный ход упадка имеет важное следствие. Упадок не может быть преодолен возвратом к прошлым формам — потому что прошлое, к которому он возвращается, есть не здоровое состояние, а выродившаяся форма, карикатура на то, что было. Исцеление возможно только через движение вперёд — через новое культурное условие, которое ответит на вызовы, породившие нынешний упадок.

Часть II. Генезис. Как рождается элита

Глава 3. Условия «безэлитного»

3.1. Исходное состояние

Чтобы понять, зачем появляется элита, мы должны сначала представить себе общество, в котором её нет и быть не может. Не в смысле политической утопии или анархической мечты, а в смысле строгой логической необходимости, вытекающей из нашей гуманитарной схемы. Элита — это функция, а функция возникает только тогда, когда появляется потребность в ней. Следовательно, мы должны описать условия, при которых такая потребность отсутствует.

Это состояние мы, используя метафору, назовём «Раем» или «Золотым веком». Это не исторический факт, а теоретическая модель, своего рода точка отсчёта. В этом состоянии народ живёт, удовлетворяя свои естественные потребности.

Каковы же конкретные условия этого «безэлитного» покоя? Они складываются из трёх видов постоянства среды.

Первое — климатическое и геологическое постоянство. Среда обитания народа не преподносит разрушительных сюрпризов. Нет засух, сменяющихся наводнениями, нет суровых зим, уничтожающих урожай, нет землетрясений и извержений вулкана. Климатические циклы стабильны и предсказуемы настолько, что не требуют от человека специальных усилий по адаптации, выходящих за рамки его повседневного труда.

Второе — постоянство флоры и фауны. Живая природа не является источником угрозы. Нет хищников, представляющих опасность для человека или его скота. Нет болезнетворных микроорганизмов, вызывающих эпидемии. Нет вредителей, уничтожающих посевы. Напротив, природа стабильно и в изобилии предоставляет всё необходимое для жизни: пищу, воду, материалы для жилища и одежды.

Третье — людское постоянство. Это отсутствие внешней угрозы со стороны других человеческих сообществ. Либо народ живёт в полной изоляции, либо его соседи настроены исключительно мирно. Нет войн, набегов, грабежей. Сама идея «чужака-врага» отсутствует в коллективном сознании.

При соблюдении этих трёх условий народ пребывает в состоянии, которое можно назвать до-культурным покоем в отношении функции безопасности. Его труд направлен исключительно на прямое удовлетворение естественных потребностей. Культура, безусловно, существует — в виде языка, обычаев, верований, — но в ней нет того специфического элемента, который мы ищем.

Рай — это место, где стабильность дана непосредственно, как естественное условие. Труд в Раю — это не борьба за выживание, а процесс созидательного преобразования мира, не омрачённый страхом перед завтрашним днём. Народ и есть сам себе элита.

3.2. Возникновение ограничения

Состояние «безэлитного» покоя, описанное нами, является идеальной моделью. Реальность же такова, что ни одно из трёх постоянств не может быть абсолютным и вечным. Климат меняется, реки выходят из берегов, в лесах заводятся хищники, а за горами или морем появляются другие люди, чьи намерения не всегда мирны. Рано или поздно в этот «Рай» вторгается то, что мы называем *внешним эксцессом*.

Внешний эксцесс — это любое событие, исходящее из внешней по отношению к народу среды, которое разрушает стабильность и создаёт прямую угрозу его естественному бытию. Это не просто неудобство или временная трудность. Это удар такой силы, который блокирует саму возможность удовлетворения естественных потребностей привычным, прямым способом. Засуха сжигает урожай, и потребность в пище не может быть удовлетворена. Враг вторгается на территорию, сжигает жилища и убивает, и потребность в безопасности не может быть удовлетворена. Эпидемия поражает людей, и потребность в здоровье и продолжении рода не может быть удовлетворена.

Именно здесь, в этой точке разрыва привычного течения жизни, и возникает искомое нами *культурное ограничение*. Народ, который раньше просто трудился, теперь сталкивается с тем, что привычный, естественный способ его существования стал невозможен. Возникает ограничение: *нельзя жить в стабильности*.

Это ограничение имеет фундаментальный характер. Оно не является чьим-то злым умыслом или социальным установлением. Это объективное изменение условий существования. Но его последствия носят глубоко социальный и психологический характер. Впервые народ, как коллективный субъект, сталкивается с необходимостью не просто трудиться, а бороться за само право на труд. Возникает то, что мы определили как субъективное явление: неудовлетворённое и пока неосознанное желание восстановить утраченную стабильность. Народ ещё не знает, «что нужно сделать», чтобы вернуть себе «Рай». Но он уже наблюдает это новое состояние — состояние угрозы — и хочет от него избавиться.

Это и есть момент рождения потребности в элите. Пока ещё в виде смутного, неоформленного запроса на то, чтобы кто-то или что-то взяло на себя функцию нейтрализации этого нового, непонятного и смертельно опасного фактора. Народ, чьё бытие основано на труде, не может эффективно трудиться и одновременно противостоять внешнему эксцессу. Здесь и возникает необходимость в специалисте. Так, из первой трещины в тотальной стабильности мира, рождается драма, которая будет определять всю человеческую историю.

3.3. Цель существования элиты

Итак, мы зафиксировали возникновение культурного ограничения: внешний эксцесс блокирует прямое удовлетворение народом своих естественных потребностей. Народ, как коллективный субъект, наблюдает новое субъективное явление — неудовлетворённое желание безопасности, стабильности, бытия в «райском» состоянии. Согласно нашему методу, цель этого наблюдения — осознать, «что я сделал», чтобы это желание возникло, то есть понять, какое действие или бездействие самого народа привело к тому, что угроза стала реальностью.

Ответ на этот вопрос не является автоматическим. Требуется интеллектуальный и волевой акт, который совершает не весь народ как аморфная масса, а отдельные его представители. Они первыми осознают, что прямое действие невозможно. Народ не может одновременно пахать землю и воевать, строить дома и отражать набеги, лечить больных и охотиться на хищников. Распыление сил ведёт к гибели. Решение, которое они находят, является одновременно и гениальным, и трагичным. Это решение порождает *культурное условие*, которое и является определением цели существования элиты.

Цель существования элиты — обеспечение тотальной стабильности внешней среды ценой собственной нестабильности.

Разберём эту формулировку. Народ нуждается в том, чтобы внешняя среда снова стала для него «прозрачной», предсказуемой и безопасной, какой она была в «Раю». Он хочет вернуть себе возможность беспрепятственно трудиться. Элита и есть тот инструмент, та специализированная группа, которая берёт на себя функцию восстановления и поддержания этой

стабильности. Она становится «щитом», «стеной», «лекарем», который принимает на себя всю тяжесть внешнего эксцесса.

Но здесь кроется фундаментальная асимметрия, которая и определяет всю дальнейшую драму. Стабильность для народа покупается ценой *собственной нестабильности элиты*. Элита, по самому своему предназначению, не имеет права на покой. Воин должен быть вечно бдителен, правитель — вечно озабочен, судья — вечно беспристрастен. Они не могут «расслабиться» и просто жить, потому что внешняя угроза — будь то враг, засуха или мор — не дремлет. Их удел — постоянное напряжение, риск, готовность к самопожертвованию. Безбедное существование, которое предоставляет им народ, есть не привилегия для наслаждения, а ресурс для исполнения этой функции, своего рода «боевое довольствие», которое позволяет им не отвлекаться на добычу хлеба насущного и полностью посвятить себя защите.

Таким образом, элита — это не «лучшие люди» в смысле превосходства над народом, а люди, выполняющие особую, смертельно опасную функцию. Их легитимность зиждется не на происхождении, богатстве или силе как таковой, а на добровольно принятой на себя обязанности быть буфером между народом и хаосом внешнего мира. Они — гарант стабильности, и цена этой гарантии — их собственная перманентная нестабильность.

Этот вывод не является моральным требованием или пожеланием. Он прямо и логически следует из самой сути культурного ограничения. Культурное ограничение формулируется как «нельзя жить в стабильности». Это чистое отрицание, не допускающее никаких «пока» или условий. Было бы логическим противоречием осознавать это ограничение и при этом пытаться жить в стабильности и покое. Тот, кто осознал, что «нельзя жить в стабильности», с необходимостью принимает на себя бремя нестабильности. Тот, кто ищет покоя, тем самым доказывает, что он не осознал ограничения, а следовательно, не является элитой по функции. Само существование элиты как института есть живое доказательство того, что её представители понижают: стабильность для них закрыта.

Глава 4. Первая эпоха — Имянаречение

Прежде чем приступить к описанию Первой эпохи, необходимо сделать важное методологическое замечание. Всё, что мы можем сказать об этой эпохе, основано не на прямых исторических свидетельствах, а на логической реконструкции, выполненной средствами гуманитарной философии.

Первая эпоха — эпоха дописьменная. Она не оставила нам ни летописей, ни законов, ни мемуаров. Мы не можем наблюдать её институты в действии. Всё что будет написано — реконструкция, построенная на основании гуманитарной схемы.

Этнография даёт нам косвенные подтверждения. Реликты у индейцев, кавказских горцев и казаков. Следы инициаций сохранились в обрядах. Институты просматриваются в казачьих кругах, в советах старейшин архаических племён. Но все эти данные фрагментарны и статичны. Они фиксируют отдельные элементы системы, а не её работу в динамике.

Мы не можем знать наверняка, как именно функционировала Первая эпоха в её здоровом состоянии. Мы можем лишь утверждать, что если наши аксиомы верны и гуманитарная схема работает, то первая элита должна была выглядеть именно так, как мы её описываем. Логика не даёт нам фактуры, но она даёт нам каркас. И этот каркас подтверждается теми косвенными данными, которые у нас есть.

Прямые исторические свидетельства появляются только начиная со Второй эпохи. Там мы уже можем опираться на документы, летописи, законы. А здесь, в Первой эпохе, мы работаем с логической моделью, которая должна быть проверена — и частично уже проверена — этнографическими параллелями. Читатель должен помнить об этом ограничении на протяжении всей данной главы.

4.1. Самоназначение через дар

Мы установили, что элита возникает как функция: обеспечение стабильности внешней среды для народа ценой собственной нестабильности. Но как конкретно происходит выделение этой группы из общей массы народа? Кто и по какому праву впервые говорит: «Я возьму это бремя на себя»?

Этот процесс мы называем *самоназначением*. В отличие от всех последующих эпох, где элиту будут назначать, избирать или утверждать, первая элита назначает себя сама. Но это не акт узурпации или захвата власти. Это акт демонстрации. Претендент на роль элитария должен доказать народу, что он обладает тем уникальным качеством, которое необходимо для преодоления культурного ограничения.

Этим качеством является *дар* — врождённая или благоприобретённая способность, которая принципиально недоступна большинству. В мире, где внешняя угроза — это всегда неожиданность, где враг или стихия нападают внезапно, наиболее ценным даром становится способность к упреждающему распознаванию. Отсюда и возникают первые функциональные имена, которые являются не просто прозвищами, а социальным титулом, подтверждающим право на элитарную функцию.

Прототипом такого самоназначения является фигура, которую мы назовём **Зоркий Глаз**. Это человек, который первым видит опасность. Он замечает дым на горизонте раньше, чем кто-либо другой. Он различает в шуме ветра топот вражеской конницы. Он чувствует приближение бури по едва уловимым изменениям в поведении животных. Его дар не является результатом обучения или дисциплины, это его личное, неотъемлемое качество. И он предъявляет этот дар народу. Он говорит не «я хочу править», а «я вижу то, чего не видите вы. Я

могу предупредить вас о том, о чём вы не узнаете, пока не станет слишком поздно. Следуйте за мной, и вы будете в безопасности».

Точно так же самоназначается **Твёрдая Рука**. Его дар — не зрение, а действие. Он не просто видит угрозу, он способен первым встать на её пути. Его физическая сила, отвага и боевое умение не являются нормой для общины. В момент опасности, когда другие колеблются или готовы бежать, он выходит вперёд и принимает бой. Его право быть элитарием доказывается не словами, а действием, риском, готовностью пролить свою кровь.

Однако сам факт обладания даром ещё не делает человека частью элиты в глазах народа. Дар должен быть не просто продекларирован, но и публично, неоспоримо доказан. Для этого служит институт, без которого невозможно представить первую эпоху, — *инициация*. Инициация — это искусственно созданное испытание, моделирующее внешнюю угрозу.

Инициация решает сразу несколько задач. Во-первых, она отсеивает самозванцев, тех, кто лишь на словах приписывает себе дар. Во-вторых, она публично легитимирует самоназначение, превращая его из личного заявления в признанный общиной факт. Народ, наблюдавший успешное прохождение инициации, принимает претендента как носителя дара. С этого момента его имя становится его титулом, его функция — его судьбой. Так рождается первая элита, легитимность которой покоится на неопровержимом, личностном, доказанном перед всеми даре. Именно этот принцип — легитимация через дар и имя — и станет стержнем всей первой эпохи.

4.2. Четыре шага легитимации

Шаг первый: распознать угрозу — осознание культурного ограничения

Функция элиты начинается не с действия и не с планирования. Она начинается с фундаментального акта, который и делает элиту элитой. Этот акт — *осознание культурного ограничения* там, где народ видит лишь хаос, неудобство или «судьбу».

Внешний эксцесс, как мы помним, есть объективное событие: засуха, наводнение, нашествие врага, эпидемия. Но само по себе это событие ещё не порождает элиту. Оно порождает лишь страх, страдание и дезориентацию. Народ, погружённый в свой труд, воспринимает эксцесс как непреодолимую силу, как «кару богов» или «злую случайность», на которую невозможно повлиять. Он может бежать, молиться или гибнуть, но он не может осмыслить происходящее как *ограничение*, которое можно преодолеть целенаправленным действием.

Первый шаг легитимации элиты состоит именно в этом переходе: от хаоса ощущений — к осознанной проблеме. Будущий элитарий первым говорит: «Это не хаос. Это угроза, у которой есть причина, направление и повторяющийся характер». Там, где народ видит лишь беду, Зоркий Глаз видит врага на горизонте. Там, где народ слышит шум, Большое Ухо различает топот конницы. Там, где народ чувствует неясную тревогу, Чуткий Нос распознаёт запах дыма от далёкого пожара.

Этот акт осознания и публичного называния угрозы и есть первый шаг легитимации. Элитарий легитимен не потому, что он силен или богат, а потому, что он правильно опознал реальность. Он дал угрозе имя, он указал на её источник. Народ, который до этого был слеп и глух к надвигающейся катастрофе, получает от элитария то, чего у него не было — знание об опасности. Это знание, подтверждённое последующими событиями, становится первым и самым прочным основанием для доверия.

Этот шаг соответствует легитимации через ответ на вопрос «почему нужна элита?». Ответ: «Потому что мы видим то, чего не видите вы. Мы распознаём культурное ограничение, которое для вас остаётся невидимым». Без этого первого шага все последующие теряют смысл. Можно иметь план, волю и школу, но если ты не видишь, откуда исходит угроза, ты не элита, а слепой, ведущий слепых. Именно способность к верному и своевременному осознанию куль-

турного ограничения является той точкой, в которой человек из народа превращается в элитария.

Шаг второй: найти решение — изобретение культурного условия

Распознать угрозу — значит сделать лишь половину дела. Осознанное культурное ограничение ставит перед элитой и народом вопрос, который требует немедленного ответа: «Что теперь делать?». Знание о том, что враг приближается, спасительно, но недостаточно. Оно лишь превращает панику в осознанную тревогу. Следующий логический и жизненно необходимый шаг — предложить способ преодоления ограничения.

Этот шаг мы называем *изобретением культурного условия*. Это акт интеллектуального творчества, который требует совершенно иного дара, нежели первый шаг. Если на первом шаге нужна острота чувств, способность видеть, слышать и предугадывать, то на втором шаге нужна острота ума. Нужна способность из разрозненных, часто противоречивых сведений, поставляемых «Зорким Глазом» и «Большим Ухом», синтезировать целостный, работающий план.

Этот дар — не эрудиция и не знание готовых рецептов. В момент изобретения культурного условия готовых рецептов ещё не существует. Это творческий акт в чистом виде. Носитель этого дара, которого мы можем назвать **Острый Ум**, первым говорит: «Мы не можем ждать врага в чистом поле. Мы построим стену. Мы не можем бороться с засухой молитвами. Мы выкопаем канал от реки к нашим полям». Он изобретает не просто техническое приспособление, а новую социальную и материальную технологию, которой раньше не было в арсенале народа.

Изобретённое культурное условие становится ответом на второй фундаментальный вопрос легитимации: «Зачем нужна элита?». Народ, который уже поверил в диагноз (угроза реальна), теперь получает от элитария проект её преодоления. Легитимность элиты подкрепляется уже не только точностью её зрения, но и продуктивностью её ума. Элита не просто пугает, она предлагает выход. Она превращает отчаяние перед лицом угрозы в план действий.

Однако одного плана недостаточно. Можно видеть угрозу и даже знать, как её преодолеть, но ничего при этом не делать. Поэтому изобретение культурного условия является необходимым, но не завершающим шагом легитимации. Оно создаёт мост между знанием и действием, но сам переход через этот мост требует совершенно иного качества.

Шаг третий: исполнить и пролить кровь — потребность выполнить культурное условие

Самый гениальный план, самое точное знание об угрозе не стоят ничего, если они не воплощены в действие. Третий шаг легитимации — это переход из сферы мысли в сферу поступка. Это момент, когда культурное условие из абстрактного проекта становится реальностью, оплаченной потом, риском и кровью.

Этот шаг требует особого дара, который не сводится ни к зоркости, ни к уму. Мы называем его **волей**, но понимаем под этим не простое упрямство или желание. Это **культурная потребность выполнить культурное условие**, ставшая личной, неодолимой нуждой. Носитель этого дара не просто «готов» действовать. Он **хочет** действовать. Он не может иначе. Его субъективное явление — это неудовлетворённое желание довести дело до конца, воплотить план в жизнь, закрыть угрозу собственными руками.

Прототипом этого шага является фигура, которую мы назвали **Горячее Сердце**. Это человек, чья воля действует как катализатор для всех остальных. Он первым поднимается в атаку не потому, что ему приказали, а потому, что не может оставаться на месте. Его решимость не показная, а заразительная. Видя его готовность идти до конца, сомневающиеся обретают веру, колеблющиеся — решимость, а уставшие — новые силы.

Для легитимации этот шаг абсолютно критичен. Именно здесь элита доказывает, что она не просто «думающая голова», но и «действующая рука». Она платит ту самую цену, которую сама же и назначила: собственную нестабильность. Народ, наблюдающий, как элитарий

первым идёт на риск, первым подставляет себя под удар, первым жертвует своим покоем и самой жизнью, получает неопровержимое доказательство подлинности элиты. Это доказательство сильнее любых слов и клятв. Оно отвечает на третий, самый глубокий вопрос легитимации: «Можно ли вам доверять?».

Ответ, написанный кровью, гласит: «Да. Потому что мы не посылаем вас. Мы ведём вас. Потому что мы не обещаем вам жертву. Мы приносим её сами». Только после этого шага договор между народом и элитой можно считать скреплённым окончательно. Знание, план и действие соединяются в одном акте, и этот акт становится фундаментом новой культурной реальности. Но у этой драмы есть ещё один, последний акт, направленный уже не на настоящее, а на будущее.

Шаг четвертый: передать дар — формирование культурного элитария

Тремя первыми шагами — распознаванием угрозы, изобретением условия и его исполнением — элита выполняет свою функцию здесь и сейчас. Но этого недостаточно для выживания общества в долгосрочной перспективе. Люди смертны. Зоркий Глаз может ослепнуть или погибнуть. Острый Ум может одряхлеть. Твёрдая Рука — пасть в бою. Если элита — это только совокупность уникальных индивидов, то со смертью каждого из них общество отбрасывается назад, к состоянию беззащитности перед лицом внешних эксцессов.

Следовательно, полноценная легитимация элиты требует четвёртого, завершающего шага. Элита должна доказать, что она способна не только действовать сама, но и **воспроизводить себя во времени**. Она должна создать механизм передачи дара. Этот шаг мы называем воспитанием, или формированием культурного элитария.

Воспитание в контексте первой эпохи — это не просто обучение навыкам. Это целенаправленное выращивание нового носителя дара. Для этого требуется особый талант, отличный от всех предыдущих. Недостаточно самому быть зорким, нужно уметь разглядеть зачатки зоркости в другом. Недостаточно самому иметь острый ум, нужно уметь зажечь его в ученике. Этот дар мы называем **Зоркое Око** — способность видеть скрытые способности там, где они ещё не проявлены.

Процесс воспитания строится вокруг нескольких ключевых элементов. Первый — это **отбор**. Зоркое Око ищет среди народа тех, в ком теплится искра дара. Это не механический процесс, а акт распознавания, сродни первому шагу легитимации, но направленный не на внешнюю угрозу, а на внутренний потенциал человека. Второй элемент — **изоляция**. Ученик изымается из обычной жизни, из повседневного труда, и помещается в особую среду, где его дар могут развить. Это прообраз школы, закрытого пространства, в котором будущий элитарий проходит свой путь превращения. Третий, завершающий элемент — **инициация**. Ученик должен публично доказать, что он овладел даром и готов стать полноправным носителем имени.

Этот четвёртый шаг замыкает круг легитимации. Он отвечает на последний, самый дальновидный вопрос народа: «Будет ли кому защитить наших детей?». Элита, создавшая работающую систему воспитания, даёт на этот вопрос утвердительный ответ. С этого момента договор между народом и элитой обретает временную глубину, становясь не просто соглашением на сейчас, а общественным договором на века. Именно здесь элитарная педагогика впервые заявляет о себе как о фундаментальной основе любой долгоживущей культуры.

4.3. Логический вывод и эмпирическая проверка

Изложенная выше последовательность четырёх шагов легитимации — зрение, ум, воля, воспитание — не была получена нами индуктивно, через обобщение исторических или этнографических данных. Мы не начинали с опроса старейшин африканских племён или с изучения летописей первых государств. Наш метод был прямо противоположным.

Мы начали с аксиом гуманитарной философии. Мы определили субъекта, субъективное явление и цель его наблюдения. Мы построили гуманитарную схему происхождения культурной потребности: естественная потребность → культурное ограничение → культурное условие → культурная потребность. И уже из этой схемы мы строго дедуктивно вывели необходимые шаги, которые должен совершить субъект, чтобы из состояния угрозы перейти в состояние защищённости.

В этом, собственно, и заключается главное отличие нашей теории от всей предшествующей элитологии. Мы не описываем то, что видим, а выводим то, что должно быть с логической необходимостью, если наши исходные посылки верны. Последовательность «распознать → изобрести → исполнить → воспитать» не является продуктом наблюдения. Она является продуктом логического развёртывания гуманитарной схемы. Это её предсказание.

Но наука тем и отличается от спекулятивной философии, что она требует проверки своих предсказаний. Если наша логика верна, то мы должны обнаружить эти четыре шага в самых разных, не связанных друг с другом культурах. Мы должны увидеть институт инициации, соответствующий распознаванию дара. Мы должны найти советников и мудрецов, ответственных за изобретение решений. Мы должны встретить фигуру вождя-воина, доказывающего свою волю действием. И мы должны зафиксировать существование специальных педагогических практик — школ, систем ученичества, обрядов перехода, — направленных на воспроизводство элиты.

Это требование верификации превращает нашу теорию из набора правдоподобных утверждений в строгую науку. Мы не просто говорим: «элита должна делать то-то». Мы говорим: «Если наша теория верна, то в реальности мы обнаружим следующие институты. Если мы их не обнаружим, теория неверна».

4.4. Институт Совета Имён

Четыре шага легитимации порождают не просто набор разрозненных носителей дара, а целостную социальную структуру. Эта структура должна обеспечивать координацию всех четырёх функций — зрения, ума, воли и воспитания — без того, чтобы одна из них подчиняла себе остальные. Решением этой задачи становится институт, который мы называем **Советом Имён**.

Совет Имён — это не парламент в современном смысле и не иерархическая лестница во главе с единоличным правителем. Это коллегиальный орган, объединяющий носителей всех функциональных имён. Зоркий Глаз, Большое Ухо и Чуткий Нос заседают в нём рядом с Острым Умом и Длинной Мыслью, а Твёрдая Рука и Горячее Сердце — рядом с Зорким Оком и Терпеливой Дланию. Ни один из них не является «начальником» над другими, потому что их дары несопоставимы и незаменимы. Нельзя сказать, что ум важнее зрения или что воля важнее ума. При столкновении с внешней угрозой все четыре шага одинаково необходимы, и отсутствие любого из них делает элиту неполной, а защиту — неэффективной.

Принцип работы Совета Имён вытекает из самого характера внешней угрозы. Когда приходит враг или надвигается стихия, Совет собирается и каждый носитель докладывает то, что видит в рамках своей компетенции. Зоркий Глаз сообщает, откуда и какой идёт враг. Памятливый Ум напоминает, как с таким врагом справлялись в прошлом. Острый Ум предлагает план. Горячее Сердце оценивает боевой дух. Твёрдая Рука берётся за исполнение. И пока они действуют, Зоркое Око и Терпеливая Длань уже присматриваются к молодёжи, размышляя, кто из учеников проявит себя в грядущем бою и сможет заменить павшего носителя имени.

Такая структура власти является функциональной, а не иерархической. Власть в ней не принадлежит никому лично. Она распределена между функциями и осуществляется только в момент их согласованного действия. Это прямое следствие нашей гуманитарной схемы: куль-

турное условие требует участия всех четырёх шагов, и ни один из них не может быть пропущен или узурпирован другими.

Совет Имён — это и есть та форма правления, которая соответствует первой эпохе в её здоровом, невырожденном состоянии. В нём нет места для «царя», «вождя» или «диктатора».

4.5. Живые реликты первой эпохи

Логически выведенная нами схема четырёх шагов легитимации и института Совета Имён требует эмпирической проверки. Если наша теория верна, мы должны обнаружить её следы в реальной истории и этнографии. И действительно, данные полевых исследований, проведённых среди народов, сохранивших архаический уклад вплоть до Нового и Новейшего времени, представляют собой своего рода «машину времени», позволяющую заглянуть в первую эпоху.

Одним из самых ярких примеров является практика имянаречения у североамериканских индейцев, детально описанная этнографами ещё в XIX веке. В племенах Великих Равнин юноша не получал «взрослого» имени просто по факту достижения определённого возраста. Имя нужно было заслужить, и оно всегда отражало конкретную, публично подтверждённую способность или деяние. Воин, первым заметивший врага, мог получить имя «Тот-Кто-Видит-Первым». Прославившийся в бою — «Сидящий Бык» или «Бешеный Конь» [16]. Это не поэтические метафоры, а функциональные титулы, полностью аналогичные нашему «Зоркий Глаз» или «Твёрдая Рука». Имя было неотчуждаемо от носителя, оно было его социальной сущностью. Более того, право носить такое имя нужно было подтверждать в ходе специальных церемоний, которые являлись ничем иным, как инициацией — публичным испытанием дара перед лицом всего племени. Совет старейшин, который решал, достоин ли воин нового имени, выполнял функцию, крайне близкую к нашему Совету Имён.

Аналогичные реликты мы находим и гораздо ближе. На Кавказе, в среде горских народов, система прозвищ и кличек имела не бытовой, а глубоко социальный характер. Прозвище «Орлиный Глаз», «Быстрые Ноги» или «Железная Рука» не выбиралось произвольно, а присваивалось общиной и фиксировало признанную способность. Важно, что эти прозвища часто вытесняли личное имя, становясь основным идентификатором человека, особенно если он претендовал на роль в совете старейшин или военном ополчении. Человек без такого прозвища, каким бы ни было его имущественное положение, не мог рассчитывать на лидерство. Это прямое свидетельство того, что мы имеем дело не с индивидуальными особенностями, а с социальным институтом, воспроизводящим логику первой эпохи [17].

Наконец, самые близкие к нам и наиболее полно документированные примеры даёт история казачества. Казачий Круг — это прямой аналог Совета Имён. На Круге никто не имел преимуществ по праву рождения или богатства. Право голоса имели все полноправные казаки-воины, но решающее слово всегда оставалось за теми, кто уже доказал свою компетентность — за «стариками», бывшими походными атаманами, прославленными разведчиками. Выборы атамана были не голосованием за популярного политика, а публичным признанием за конкретным человеком функционального дара — дара военного предводительства («Твёрдая Рука») или стратегического ума («Острый Ум»). Атаман, избранный на год, не становился «царём». Его власть была строго ограничена походом или сроком, и Круг в любой момент мог лишить его полномочий, то есть «отозвать имя» [18]. Эта практика является живой иллюстрацией того самого принципа функциональной, а не иерархической власти, который мы постулировали для первой эпохи.

Таким образом, этнографические данные подтверждают нашу логическую конструкцию. Институт имянаречения, Совет Имён и функциональный характер власти — не фантазия, а реально существовавшие механизмы, чьи следы сохранились в культурах, задержавшихся на

стадии перехода к более централизованным формам правления. Эти примеры доказывают универсальность и эмпирическую обоснованность нашей теории.

4.6. Следы имянаречения в древнерусской истории

Хотя русская письменная история начинается уже в эпоху перехода от имянаречения к родовой власти, память о первой эпохе сохранилась в летописях и былинах в виде явственных реликтов. Князья и герои древности носят не просто личные имена, а функциональные прозвища, которые являются не поэтическими украшениями, а прямыми аналогами тех самых имён-титолов, что мы описывали выше.

Самым ярким примером является фигура Вещего Олега. Прозвище «Вещий» означает не просто «мудрый» в бытовом смысле, а «знающий», «провидящий», способный предвидеть угрозу и судьбу. Это функциональное имя, соответствующее нашему «Зоркий Глаз» или носителю дара первого шага легитимации. Олег получил это имя не по наследству, а за доказанную способность: его предсказание о смерти от коня, согласно летописи, сбылось, подтвердив его дар [19].

Тот же ряд продолжают и другие князья. Владимир Красное Солнышко — это не просто ласковое прозвище, а имя-титул, фиксирующее функцию объединителя и защитника, центра власти, вокруг которого, как вокруг солнца, вращается земля. Ярослав Мудрый — имя, прямо указывающее на дар второго шага, на способность изобретать культурное условие, будь то первый писанный закон «Русская Правда» или градостроительная политика. Мстислав Уда-лой (или Удатный) — это чистое имя «Твёрдой Руки», воина, доказавшего свою доблесть в бесчисленных походах и битвах. Иван Калита — функциональное имя «кошеля», собирателя дани, ставшее обозначением его политической функции.

Следы имянаречения сохранились не только в княжеской, но и в народной среде, в былинном эпосе. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович — это не исторические лица в строгом смысле, а культурные слепки с носителей функциональных имён. Каждый из них воплощает определённый дар: Илья — несокрушимую силу и стойкость («Железный Живот»), Добрыня — сочетание воинской доблести и дипломатического ума («Твёрдая Рука» и «Острый Ум»), Алёша — хитрость и ловкость («Лёгкая Нога»). Сами их имена и прозвища являются частью древней традиции, дожившей до эпохи письменности.

Эти примеры показывают, что эпоха имянаречения не является чисто умозрительной конструкцией. Она оставила зримые следы в самом начале русской истории, в языке и эпосе, которые зафиксировали переход от легитимации через доказанный дар к легитимации через происхождение.

Часть III. Структура упадка. Анатомия предательства

Глава 5. Четыре монополии вместо четырёх легитимаций

5.1. Эскалация угрозы: народ вместо элиты

В предыдущей части мы описали здоровое состояние первой эпохи, основанное на четырёх шагах легитимации. Совет Имён функционирует, каждый носитель дара исполняет свою функцию, народ доверяет элите и кормит её в обмен на защиту. Однако эта идиллия не является вечной. В самой конструкции элиты заложена асимметрия, которая с течением времени может приводить к отклонению.

Это отклонение начинается не с грандиозного предательства и не с кровавого переворота. Он начинается с малого и *случайного*. В какой-то момент элита не справляется со своей функцией. Причины могут быть разными: Зоркий Глаз мог заболеть, Твёрдая Рука — оказаться в отъезде, Острый Ум — растеряться перед неожиданной ситуацией. Внешняя угроза приходит, а специалист, ответственный за её отражение, отсутствует или бездействует.

И здесь происходит то, что мы называем *эскалацией угрозы*. Угроза, от которой элита должна была защитить народ, обрушивается на сам народ. И народ, поставленный перед выбором «погибнуть или действовать», действует. Крестьянин, чьё поле вытаптывает враг, хватается за вилы и даёт отпор. Община, до которой не дошла княжеская дружина, организует самооборону. Рыбак, заметивший отраву в реке, копает колодец без указаний сверху.

Это действие не является планомерным или идеологически мотивированным. Это чистая случайность, продиктованная инстинктом выживания. Но его последствия огромны. Народ, который, согласно договору, должен был только трудиться, внезапно обнаруживает, что он может выполнять функцию элиты. Он может защитить себя сам. Он может заметить угрозу. Он может найти решение. Он может дать отпор.

Именно это открытие и является первой, пока ещё не осознанной угрозой для самой элиты. Пока это единичный случай, на него можно не обращать внимания. Но прецедент создан. Семя сомнения посеяно. Народ, сам того не желая, поставил под вопрос главный аргумент элиты — её исключительную полезность. И с этого момента начинается процесс, который мы называем *упадком элиты*. Элита, чтобы сохранить своё положение, будет вынуждена реагировать на эту скрытую угрозу. И её реакция будет заключаться не в исправлении себя, а в последовательной монополизации своих функций, что шаг за шагом превратит её из защитника в паразита. Этот процесс мы и рассмотрим в следующих параграфах.

5.2. Фазы закабаления

Случайное отклонение → «Вы не умеете» (Монополия на насилие)

Первая реакция элиты на описанное нами случайное действие народа является одновременно и защитной, и судьбоносной. Элита не может признать, что народ справился сам, потому что это означало бы признать собственную бесполезность. Но она не может и просто замалчивать произошедшее — случай становится известным, прецедент создан. Поэтому элита реагирует единственно возможным для себя способом: она *объявляет народное действие неправильным и опасным*.

Формула этой фазы — «Вы не умеете». Народу отказывают не в праве действовать как таковым, а в способности делать это правильно. Крестьянин, отбившийся от врага, объявляется

не героем, а «самоуправцем», который действовал «не по правилам», «необученно», «с превышением пределов». Его действие признаётся случайной удачей, которая в другой раз может привести к катастрофе. Элита утверждает: «То, что вы выжили сейчас, — чудо. В следующий раз вы погубите и себя, и других».

На этом основании элита делает логический, с её точки зрения, шаг. Чтобы предотвратить «опасную самодеятельность» в будущем, она вводит запрет. Отныне только элита имеет право на применение силы. Только Твёрдая Рука может вести бой. Только Зоркий Глаз может объявлять тревогу. Все остальные должны ждать указаний и действовать только по команде.

Так рождается первая из четырёх монополий — *монополия на насилие*. Она не является результатом злого умысла или стремления к власти как таковой. В своём зачатке это реакция на реальный страх элиты перед хаосом, который, как ей кажется, неизбежно наступит, если каждый будет действовать по своему разумению. Но объективно, независимо от мотивов, эта монополия становится первым шагом к закабалению. Народу отказывают в праве на самозащиту. Его способность, только что доказанная на практике, отрицается. Отныне он не субъект, способный к действию, а объект, которым управляют. И этот первый шаг запускает цепную реакцию, которая с может привести к следующей фазе упадка.

Привычное отклонение → «Вы не понимаете» (*Монополия на законодательство*)

Первая фаза — установление монополии на насилие — создаёт новую реальность. Народ больше не смеет действовать сам, даже если элита бездействует. Но внешняя угроза никуда не исчезает. Враг всё так же нападает, засуха всё так же губит урожай. И элита, которая уже не хочет лично рисковать, но вынуждена как-то реагировать на эти угрозы, начинает действовать иначе.

Вместо того чтобы самой идти в бой или изобретать решение, она обращается к народу с *призывом*. Воевода не встаёт впереди войска, а посылает глашатаев: «Вставайте, люди русские!». Советник не предлагает план, а издаёт указ: «Всем общинам изыскать средства и способы». Народ всё ещё делает то, что должна делать элита, но теперь это происходит не случайно, а по призыву. Это и есть *привычное отклонение* — элита привыкает перекладывать исполнение на народ, оставляя за собой только командную роль.

Но для того чтобы призыв работал и чтобы народ не задавал лишних вопросов, его нужно обосновать. И здесь рождается формула второй фазы: «Вы не понимаете». Народу внушают, что он не способен самостоятельно понять ни природу угрозы, ни общий замысел защиты. «Вы не видите всей картины, — говорит элита. — У нас есть план, который вам недоступен в силу вашей необразованности. Ваше дело — не рассуждать, а исполнять».

На этом основании элита делает следующий шаг. Она начинает узурпировать не только право на действие, но и право на проект. Возникает *монополия на законодательство* — право предлагать решения и издавать обязательные для всех правила закрепляется исключительно за элитой. Любая инициатива снизу, даже самая разумная, объявляется «дилетантством» или «нарушением порядка». Народное предложение может быть принято только в том случае, если оно пройдёт фильтр элиты и будет присвоено кем-то из носителей имени. Так вторая монополия закрепляет разделение не только на действующих и бездействующих, но и на знающих и незнающих. Народ лишается права не только на поступок, но и на мысль.

Преднамеренное отклонение → «У вас не та кровь» (*Монополия на воспитание*)

Установление монополии на законодательство завершает второй этап закабаления. Народ лишён права действовать и права предлагать решения. Он низведён до исполнителя чужих приказов. Но элита, переложившая на народ исполнение своих функций, сталкивается с новым вызовом, который угрожает уже не её власти, а самому её существованию.

Дело в том, что народ, регулярно призываемый к исполнению элитарных функций, неизбежно накапливает опыт. Крестьяне, которых из года в год призывают в ополчение, учатся воевать. Общины, которым поручают организовывать защиту от неурожая, учатся управлять.

В народе стихийно возникают свои умельцы, свои храбрецы, свои организаторы. Они не носят формальных имён, но они *обладают реальными способностями*. И эти способности, приобретённые на практике, могут оказаться выше, чем у деградирующей элиты, которая уже давно не практикуется в своём деле.

Это и есть угроза, которая заставляет элиту перейти от привычного отклонения к *преднамеренному*. Элита осознаёт: если народ не только умеет, но и понимает, что он умеет, то рано или поздно он задаст вопрос: «Зачем мы кормим тех, кто только приказывает, но ничего не делает?». Чтобы предотвратить этот вопрос, нужно закрыть народу доступ не только к действию и решению, но и к самой способности стать элитой. Нужно сделать так, чтобы навыки, необходимые для управления и защиты, не могли быть приобретены никем, кроме как членами самой элиты.

Инструментом для этого становится *монополия на воспитание*. Элита закрывает свою школу. Доступ к посвящению, к инициации, к получению функционального имени отныне возможен только для детей самой элиты. Знание, которое раньше передавалось любому, в ком обнаруживался дар, теперь объявляется наследственным. Педагогика, бывшая открытой, становится закрытой, эзотерической.

Для легитимации этого шага выдвигается новая формула: «У вас не та кровь». Народу внушают, что способность управлять и защищать — это не приобретаемый навык, а врождённое качество, передающееся по наследству. «Вы можете быть сколь угодно храбры и умны, — говорит элита, — но вы никогда не станете настоящими воинами или мудрецами, потому что это у нас в крови». Так рождается идеология наследственной касты. Имя из функционального титула превращается в родовое. Зоркий Глаз — это уже не тот, кто видит дальше всех, а тот, чей отец и дед носили это имя. Инициация из реального испытания становится формальным ритуалом, через который своих проводят независимо от способностей, а чужих не допускают вовсе.

Эта третья монополия завершает превращение элиты из открытой функциональной группы в замкнутую наследственную касту. Народ теперь лишён не только права действовать и мыслить, но и права учиться. Его удел — вечно оставаться невежественным исполнителем, в то время как знание и власть передаются по крови внутри узкого круга избранных. Это уже не просто упадок, это подготовка к финальной фазе.

Вырождение → «Мы — другой вид» (Монополия на язык и реальность)

Три монополии — на насилие, на законодательство и на воспитание — превратили элиту в замкнутую наследственную касту. Народ лишён права действовать, права предлагать решения и права учиться. Он низведён до положения вечного исполнителя, чей удел — трудиться и подчиняться. Но остаётся последнее, что у него нельзя отнять простым запретом — его способность видеть и чувствовать реальность напрямую, через свой труд.

Пахарь, выходящий в поле, видит дымы на горизонте. Пастух слышит топот чужих коней. Рыбак замечает, что вода в реке стала горькой. Народ, соприкасаясь с внешней средой, продолжает распознавать угрозу. И здесь возникает финальное, самое глубокое противоречие между вырождающейся элитой и народом. Элита, давно утратившая реальные навыки, но сохранившая монополию на их имитацию, больше не видит угрозы. Зоркий Глаз, чьё имя передавалось по наследству без реальной инициации, слеп. Но его слепота не случайна — она функциональна. Признать угрозу для него означает признать необходимость действовать, к чему он не готов и не хочет. Проще не видеть. Проще объявить, что угрозы нет.

Так рождается четвёртая, последняя монополия — *монополия на язык и реальность*. Элита узурпирует право определять, что существует, а что нет, что есть угроза, а что — иллюзия. Народ, который видит дымы и слышит топот, объявляется «паникёром», «невеждой» или «врагом». Его правда, основанная на прямом контакте с реальностью, отрицается. Вместо неё

утверждается другая, официальная реальность, в которой всё спокойно, враг — это друг, а поражение — победа.

Для легитимации этого шага требуется самая радикальная из всех формул: «*Мы — другой вид*». Это уже не просто утверждение о разной крови, как в предыдущей фазе. Там речь шла о наследственных способностях внутри одного человеческого рода. Здесь же утверждается, что элита и народ — это разные виды существ. У них разное происхождение, разная природа, разное восприятие мира. Элита видит истинную реальность, скрытую от глаз простых смертных. Народ же обречён блуждать в мире иллюзий.

С установлением четвёртой монополии круг замыкается. Элита, начинавшая как орган распознавания реальности, завершает свой путь как орган её отрицания. Она больше не защищает народ от внешней угрозы. Она защищает себя от народа, который стал для неё единственной реальной угрозой. Это состояние мы называем *вырождением*. Оно необратимо. Элита, дошедшая до этой фазы, не может вернуться к исполнению своей функции, потому что утратила для этого все необходимые способности. Её конец — вопрос времени и формы.

5.3. Финал: элита слепнет к внешней угрозе

Четыре монополии, последовательно установленные в ходе фаз отклонения, приводят элиту к закономерному финалу. Этот финал не является результатом чьего-то злого умысла или трагической случайности. Он есть прямое и логическое следствие того пути, который прошла элита.

Суть этого пути — *эскалация угрозы со стороны народа*. В первой фазе народ случайно действует вместо элиты, и элита впервые чувствует в этом угрозу своему положению. Во второй фазе народ привычно исполняет призывы элиты, накапливая опыт, и элита чувствует угрозу уже в самой его компетентности. В третьей фазе народ начинает воспитывать собственных умельцев, и элита чувствует угрозу в том, что её монополия на дар может быть разрушена. В четвёртой фазе народ продолжает видеть реальность и говорить правду, и элита чувствует в этом смертельную угрозу своей монополии на язык.

На каждом шаге элита реагирует на эту эскалацию установлением новой монополии. Но каждая монополия — это не просто запрет для народа. Это перенастройка органов чувств самой элиты. Зоркий Глаз, который должен был смотреть в степь, теперь смотрит в толпу — не бунтует ли? Большое Ухо, которое должно было слушать топот вражеской конницы, теперь слушает разговоры на кухнях — не ропщут ли? Твёрдая Рука, которая должна была держать меч против внешнего врага, теперь держит кнут против внутреннего.

Происходит фундаментальное замещение. Чувство внешней угрозы постепенно вытесняется чувством угрозы от собственного народа. Элита начинает видеть врага не за пределами границ, а внутри них. Народ, который был смыслом её существования, становится главным источником её страха. И этот страх рационален: народ действительно угрожает безбедному существованию элиты, потому что он всё ещё чувствует реальность через труд и всё ещё способен задать неудобный вопрос.

Но пока элита занята подавлением внутренней угрозы, угроза внешняя остаётся без внимания. Органы чувств, перенастроенные на народ, пропускают появление настоящего врага. Элита, дошедшая до этой стадии, не способна «переключиться обратно». Её вырождение завершено. Она превратилась в паразитический нарост, который не только не защищает, но и активно мешает любой попытке самозащиты, объявляя её незаконной, некомпетентной или изменнической.

Финал предсказуем. Внешний враг, которого элита отказывалась видеть, входит беспрепятственно. Народ, лишённый оружия, знания, организации и права говорить правду, оказывается беззащитен. Государство рушится. Элита либо гибнет под ударами того врага, которого

не заметила, либо уничтожается восставшим народом, либо становится агентом чужой, более компетентной элиты, которая приходит на смену. Это и есть финал упадка — закономерный, но не обязательный, возможный, но не предопределённый. Упадок может длиться веками, но если оно доходит до фазы вырождения, то финал становится лишь вопросом времени.

5.4. Упадок как структурное противоречие

Описанная выше последовательность фаз закабаления не является ни интуитивной догадкой, ни эмпирическим обобщением, полученным из наблюдения над историческими событиями. Она представляет собой строгое развёртывание структуры культурного упадка, подробно изложенной в книге автора «Гуманитарный метод» [15]. Здесь мы лишь применяем эту готовую структуру к конкретному предмету нашего исследования — элите.

Существенным свойством периода упадка, согласно гуманитарной философии, является его *противоречивость*. Это свойство не случайно и не побочно. Оно прямо вытекает из самого определения упадка как длящегося отклонения от культурного условия. Пока культурное условие выполняется, система находится в непротиворечивом, здоровом состоянии: элита защищает, народ трудится, договор работает. Но как только начинается отклонение, возникает разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть согласно договору.

Этот разрыв и есть источник противоречий, которые пронизывают все четыре фазы. Приведём ключевые из них.

Первое и главное противоречие: элита продолжает утверждать свою исключительную полезность, но перестаёт её доказывать делом. Она по-прежнему требует содержания и привилегий, но уже не хочет платить за них собственной нестабильностью, а наоборот требует стабильного своего содержания. Это противоречие между статусом и функцией, между словом и делом.

Второе противоречие: народ лишается права действовать, но принуждается к действию. Ему запрещают самозащиту, но призывают в ополчение. Ему отказывают в способности мыслить, но требуют исполнения сложных планов. Его объявляют неспособным к обучению, но заставляют учиться у тех, кто сам уже ничему не учится. Это противоречие между запретом и принуждением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.